

«Мне Родина дала поэта знание...» «Революция в сердце моем горит». Эти строки очень точно отражают пафос творчества народного поэта Таджикистана, лауреата Государственной премии СССР, депутата Верховного Совета Таджикской ССР МИРСАИДА МИРШАКАРА. Его поэмы «Золотой кишлак», «Ленин на Памире», «Непокорный Пяндж», «Ленивая степь» и другие получили известность далеко за пределами республики. Миршакар по праву считается одним из основоположников таджикской детской литературы. Недавно общественность Таджикистана, друзья и читатели поэта из разных уголков страны отметили 70-летие писателя. Указом Президиума Верховного Совета СССР он награжден орденом Ленина. Корреспондент «УГ» М. Рубанцева встретилась с поэтом и попросила его поделиться своими размышлениями о роли писателя в жизни общества, об интернационализме и дружбе народов.

- КАК-ТО корреспонденты одной из буржуазных газет задали мне такой вопрос: «Как известно, поэтов не делают. Они рождаются такими, и своей популярностью обязаны только таланту. Чем в таком случае вы обязаны Советской власти?». По-видимому, репортеры надеялись сыграть на писательском самолюбии. Но мне было совсем несложно ответить на этот «хитрый» вопрос.

Я родился в одном из самых глухих районов нынешней Горно-Бадахшанской автономной области. В кишлаке Синде было всего пять дехканских дворов. С наступлением холодов мы надолго оказывались оторванными от внешнего мира, т. к. горные переходы становились непроходимыми. На высоте трех тысяч метров земля огромная ценность. Мы приносили ее издалека, на себе. А если случалось несчастье и сель срывал эту землю, семья лицом к лицу встречалась с голодной смертью. Мне, рано осиротевшему, не надо было ломать голову над выбором жизненного пути. Если бы не Советская власть, я в лучшем случае стал бы пастухом байского стада. И «воспевал» бы, наверное, свою горькую судьбу. Но кто услышал бы мою песню в этих высокогорных ущельях!

К хорошему человек привыкает быстро, порой и не замечает его. Но открыл учебник истории, и вы поймете, какой огромный путь преодолели мы за несколько десятилетий. В дореволюционном Таджикистане не было слишком многого: не было промышленности, не было дорог, не было врачей... Образование Таджикской республики наши враги поспешили назвать

большевистской агитацией и утопией. И все-таки мы верили в победу социализма. В конце 20-х годов в самых отдаленных кишлаках Памира зажглись лампочки Ильича. В 1929 году вместе с группой своих земляков я был направлен на учебу в Душанбе. Целый месяц добирались мы до столицы, а сама она представляла собой кишлак в сорок домов. Но уже кипела стройка, возводились просторные дома. Нам тогда недолго довелось посидеть за партами. В Гармском районе подняли голову басмачи, и мы, студенты Совпартшколы, отправились на защиту Советской власти. Меня как самого младшего назначили председателем детбюро райкома комсомола. А через несколько месяцев я стал делегатом первого Всесоюзного слета пионеров.

Много позже поездку таджикских ребят в Москву я описал в поэме «Мы приехали с Памира». Быстро мчал паровоз, но пассажирам в пестрых полосатых халатах казалось, что он движется слишком медленно: не терпелось поскорее увидеть красную столицу. Мы проехали Среднюю Азию, города Поволжья, русские равнины — и все это была Советская страна, наша Родина...

Я часто бываю в Москве, но никогда не забуду, какой увидел ее впервые, в августе 1929 года. Столица встречала посланцев Кавказа, Украины, Средней Азии, как любимых своих детей. Делегаты слета встретились с уча-

стниками Октябрьской революции. В Кремле нас приняли Н. К. Крупская и сестры Ленина. Надежда Константиновна спросила меня, знают ли на Памире Ленина? И я ответил — да!

Свет ленинских идей озарил самые далекие кишлаки Таджикистана. Каждое утро, заходя в класс, дети моего кишлака встречали мудрый и добрый взгляд Ильича. Школа была невелика, под нее отвели обычный дехкан-

ский дом. Но школу, учебники, все, что прежде казалось мечтой, дал моим землякам Ленин.

Каждый немало поживший человек, наверное, может вспомнить события, которые, как яркие звезды, на долгие годы осветили его путь. Для меня счастливым и незабываемым стал один из дней слета, когда на стадионе «Динамо» был устроен большой пионерский праздник. На трибуну таджикская делегация находилась совсем недалеко от Горького. Мы изо всех сил размахивали руками и тубетейками, мы знали, кто такой Максим Горький. Праздник открыл Ем. Ярославский, а потом перед пионерами выступил Владимир Маяковский.

Много лет прошло, но и сегодня, садясь за письменный стол, я мысленно вижу перед собой крупную, чуть наклоненную вперед фигуру, слышу чеканное:

«За море синевольное,

и вод

разлейся, песня-молния,
про пионерский слет».

Впервые узнал я тогда, какой огромной силой обладает слово поэта. Услышав Маяковского, я, памирский парнишка, понял, что стих — не только забава и усадка, он может помочь главному — нашей борьбе. В республике развевалась коллективизация, свирепствовали басмачи. В разгар ожесточенной схватки не все казалось так ясно, как в нынешнем учебнике истории.

Писать я начал тогда, когда почувствовал необходимость найти путь к сердцу дехкан, чтобы убедить их в правоте нашего дела. Стихи печатались в газете, а однажды, раскрыв окно, я услышал, как их распевает под дутар молодежь.

Сейчас можно снисходительно усмехнуться, вспоминая свои первые сочинения. Но тогда нужны были именно те незамысловатые строчки.

• ТРИБУНА ПИСАТЕЛЯ

ВИЖУ ЗАВТРАШНИЙ ДЕНЬ...

Буржуазные идеологи любят порассуждать о том, что советские писатели-де несвободны в своем творчестве, а метод социалистического реализма якобы объясняется прилежным штудированием книг Горького. Что же, я хорошо знаю произведения великого пролетарского писателя. Но не менее глубоко изучал я и поэзию Рудакис, Фирдоуси, Хайяма, шедевры мировой классики. Реализм моих поэм взращен Горьким и Маяковским, комсомольской юностью, борьбой с басмачами, всей моей жизнью. Советский писатель — плоть от плоти своего народа.

Мне довелось много поездить по свету. Есть с чем сравнить наши достижения, есть о чем поразмышлять. Пожалуй, именно пример среднеазиатских республик наиболее убедительно доказывает преимущества социализма. Полвека назад буржуазные идеологи называли наши планы беспочвенной агитацией. Теперь, когда успехи столь очевидны, в ход пускается оружие иного рода. Делаются попытки посеять национальную рознь, разрушить наше главное завоевание — братский союз социалистических республик. «Да, вы многого достигли, — говорят нам, — но вы достигли этого благодаря трудолюбию, достигли самостоятельно». С чувством собственного достоинства мы отвечаем: «Верно, таджикский народ трудолюбив и талантлив. Но во всей полноте эти качества смогли проявиться только

при Советской власти, при братской поддержке всех народов и народностей нашей великой Родины».

Есть у таджиков древнее сказание о золотом кишлаке — символе счастливой и вольной жизни, недостижимой, как мечта. В конце тридцатых годов я написал поэму «Золотой кишлак». Но, чтобы остаться верным действительности, изменил традиционный сюжет. После долгих поисков герой моей поэмы все-таки находит золотой кишлак. И не где-нибудь за тридевять земель, а в своем родном селении. После «Золотого кишлака» я решил рассказать подробнее о тех преобразованиях, которые принесла моему народу Советская власть, а также о том, каких усилий стоило построение не сказочного, но вполне реального общества свободы и равенства.

В начале 30-х годов в бесплодной долине Вахша развернулась невиданная, поистине всесоюзная стройка. На этой выжженной солнцем земле хозяевами ощутили себя таджик и украинец, русский и белорус. Представители сорока трех национальностей возрождали к жизни вахшскую землю. Для преобразования нищей окраинной территории Советское правительство закупило самые совершенные экскаваторы. Но когда не хватало техники, мы не жалели собственных рук. Если не было паровозов, в ход шли верблюды. День казался нам слишком коротким, тогда мы разжигали костры и при их свете прокладывали новые метры так необходимой стройке узкоколейной железной дороги. Я был секретарем комсомольской организации Вахшстроя и редактором многотиражки. О том, как создавалась нынешняя Долина счастья, рассказал в романе «Человек меняет кожу» Бруно Ясенский.

Сегодня Вахшская стройка вспоминается, как легенда. Но у этой легенды есть прекрасное продолжение. Символом интернационализма и дружбы стала гигантская Нурекская ГЭС, на сооружении которой трудились посланцы Ленинграда, Украины, Урала, других промышленных центров страны. Техника меняется, увеличивается мощность турбин, но прежним остается

то, что рождалось в трудные далекие годы, — человеческие отношения. Это, на мой взгляд, одна из важнейших тем всей нашей многонациональной литературы.

Основоположник таджикской советской литературы Садриддин Айни писал, что грамотные люди в дореволюционном Таджикистане были столь же редки, как плодовые деревья в солончаковой пустыне. Ныне школа есть в каждом кишлаке, и это особенно дорого. Я убежден: все главное в человеке начинается со школы.

Вспоминаю, каким огромным авторитетом пользовался учитель в пору моего детства — на заре Советской власти. Если случалась несправедливость, бежали в первую очередь к нему, как к воплощению правды и справедливости.

Иногда приходится слышать такие сеговования: мол, ученики теперь трудные. Как с ними разговаривать? Какие книги для них писать? Что может заинтересовать этих хорошо информированных, не по годам рослых мальчиков и девочек? Я часто встречаюсь с юными читателями, бываю в школах, получаю письма со всех концов страны. Действительно, иными становятся игры, прически, увлечения сегодняшних школьников. Но ведь и писатель меняется вместе с жизнью! А дети есть дети — чуткие к фальши, не терпящие фразерства и скуки, отзывчивые на живую, яркую мысль.

Помню, свою первую поэму для детей я сначала показал критикам, друзьям, коллегам. Всем понравилось. Зато ребята оценили произведение совсем иначе. К счастью, я прислушался к мнению своих будущих читателей и несколько раз переделывал стихи. А для себя с тех пор усвоил главное: с детьми следует разговаривать только на равных, без игры «в поддавки» и без менторских интонаций. Говорить же надо о самом главном, что волнует и тебя, и твоего юного друга. Вглядываясь в лица детей, я вспоминаю свое далекое детство, и я вижу завтрашний, еще более светлый день страны. Он будет таким, и годы, которые прожиты, дают мне эту веру.